

Оглавление

Список таблиц, список хронологий.....	7
Введение.....	9
Глава 1	
Слова и «вещь»: определение 68-го.....	17
Глава 2	
Поколение 68-го.....	53
Глава 3	
Университеты.....	87
Глава 4	
Соединенные Штаты Америки.....	119
Глава 5	
Франция.....	187
Глава 6	
Западная Германия.....	253
Глава 7	
Великобритания.....	289
Глава 8	
Революция внутри революции: сексуальное освобождение и семья.....	335
Глава 9	
Рабочие.....	375
Глава 10	
Насилие.....	415
Глава 11	
Поражение и приспособление?.....	445

Заключение	473
Некоторые предложения по дальнейшему чтению.....	517
Библиография	523
Благодарности.....	553
Примечания.....	555
Список иллюстраций	605
Предметно-именной указатель.....	613

Список таблиц

1. Рабочие дни, потерянные в ходе забастовок во Франции, в тысячах, 1968–1970.
2. Рабочие дни, потерянные в ходе забастовок во Франции, в тысячах, 1964–1974.
3. Рабочие дни, потерянные в ходе забастовок, на тысячу работников в отдельных западных странах, 1964–1974.

Список хронологий

1. «Короткий 68-й»: события мая во Франции
2. «Долгий 68-й»: краткая хронология

Введение

Эта книга посвящена «68-му», под которым я понимаю всю совокупность радикальных движений и восстаний конца 1960-х — начала 1970-х, а не просто события одного конкретного года. 68-й близок и далек одновременно. Песни той эпохи по-прежнему звучат в супермаркетах, а слоганы иногда всплывают в рекламе, но многие активисты той поры уже давно на пенсии; кстати, само получение пенсии часто оказывалось проблемой для тех, кто много лет провел за пределами установленной экономической системы. «Ветераны» (термин, который теперь уже не кажется настолько ироничным, каким он казался раньше) болезненно переживают то, как изменился мир. Проводя кастинг для фильма «Что-то в воздухе», посвященного событиям, связанным с 68-м, Оливье Ассайас был озадачен тем, что молодых актеров больше интересует одежда, нежели политика. По его словам, участников кастинга объединяла общая привязанность к одному и тому же гелю для волос¹.

Целые горные хребты исчезли с политического ландшафта. Изображения председателя Мао сейчас в основном остались только на банкнотах. Распад Советского Союза стал настоящим потрясением как для ортодоксальных коммунистов, так и для троцкистских групп, которые различали друг друга в зависимости от того, по каким позициям они критиковали СССР. Рабочий класс, который

когда-то интересовал левых студентов, изменился до неузнаваемости. Даниэль Рондо, копаясь в 1980-е в своем маоистском прошлом, встретил старого друга. Тот сказал ему, что возвращение в Париж в середине 1970-х, после того как их политическая группировка самораспустилась, по ощущениям напоминало «поход в музей». Сам Рондо вернулся в Лотарингию, индустриальную зону, где в начале 1970-х занимался политической агитацией. Но и эти края было не узнать — все старые заводы были снесены². Посетитель Кентского университета, расположенного в окрестностях английского Кентербери, увидит те же самые корпуса 1960-х, разве что дополненные зданием колледжа, названного в честь Кейнса. Но кто сейчас поверит, что когда-то в здешней округе располагались угольные шахты и что кентские шахтеры были особенно боевиты в забастовках начала 1970-х?

Иногда период с середины 1960-х и до конца 1970-х выглядит просто дивным сном (или ночным кошмаром), от которого участники постепенно приходят в себя. Элеанор Штейн родилась в 1946 году. Она была дочерью коммунистов, а за ее родителями Федеральное бюро расследований следило с начала 1940-х, но на ранних этапах ее жизнь была вполне обычной. Когда она в 1964 году вышла замуж за Джона Раскина, жених был в строгом костюме, а пара танцевала под песню Beatles. Однако на фотографии, сделанной всего через пять лет, Элеанор запечатлена с прической афро и вскинутым вверх кулаком. Еще через пять лет Джона Раскин не знал, где находится его жена. Их брак рухнул, не выдержав бурных водоворотов сексуального и политического освобождения. Она была в бегах вместе с подпольщиками из группы «Синоптики» (Weather Underground) — пряталась в маленькой

квартирке в Нью-Йорке и жила на одном рисе и вьетнамском рыбном соусе, который так полюбился радикалам. Она встречалась с Джеффом Джонсом, но, расставшись с ним, одна родила их общего сына, названного вьетнамским именем — в честь одного из партизанских командиров. Тем не менее к тому времени, когда ФБР вышло на ее след в 1981 году, Джефф и Элеанор снова воссоединились, проживая под чужими именами и воспитывая своего ребенка теми методами, которые любая молодая пара пятнадцать лет назад сочла бы вполне конвенциональными. Когда Элеанор вышла из тюрьмы, она вернулась в свою школу права, став со временем помощником судьи со специализацией в административном праве³.

Эта книга — попытка воссоздать мир, который появился в конце 1960-х и почти исчез к началу 1970-х годов. Определить «68-й» довольно сложно, и разнообразным подходам к этому вопросу я посвящаю следующую главу. Тем не менее несколько простых пунктов можно обозначить уже сейчас. Во-первых, я различаю просто «1968» и «долгий 68-й». Под первым я понимаю конкретный год, насыщенный событиями, а под вторым — множество движений и процессов, которые были связаны с 1968-м или достигли на тот момент своего пика, но активность которых не вмещается в рамки единственного календарного года. В основном меня интересуют события конца 1960-х — начала 1970-х, но иногда я обращаюсь и к более ранним или поздним вехам, особенно говоря об Америке. Кроме того, после 68-го его активные участники никуда не исчезли, а небольшая часть из них приобрела максимальное влияние ближе к концу XX века. Таким образом, 68-й растягивается на несколько десятилетий.

По крайней мере в одном важном аспекте мой подход может показаться странным и даже противоречащим фокусировке на «долгом 68-м». Дело в том, что на меня повлияли исследования французских историков, посвященные тому, что они называют «les années soixante-huit» — «шестьдесят восьмые годы». Под этим понимается нечто близкое тому, что я определяю как «долгий 68-й». Их усилия по «децентровке» интересующей нас даты сопровождаются попытками «децентрировать» и саму Францию того времени, подчеркивая роль провинций в противовес Парижу. Однако постепенно я сделал вывод о том, что подход, основанный на «шестьдесят восьмых годах», иногда более применим к другим странам, чем к самой Франции. К сожалению, некоторые важные аспекты французского опыта он вообще оставляет без внимания. Я вполне понимаю энтузиазм французских историков, стремящихся уйти от избитого взгляда, сфокусированного на столичном бульваре Сен-Мишель, и расширить диапазон своего анализа. С этим подходом отчасти связано и стремление отстоять важность 68-го вопреки тем, кто провозглашает его незначительным — и я поддерживаю это намерение. Тем не менее мне кажется, что французские историки пали жертвами собственной оригинальности и изощренности, поскольку в итоге они не уделяют достаточного внимания майско-июньским событиям в самой Франции и особенно в Париже, когда на демонстрации выходили десятки и сотни тысяч людей и почти десять миллионов рабочих участвовали в забастовках. Даже самые радикальные активисты 1970-х позже объясняли свои действия, ссылаясь на драму 68-го. Один из них вспоминал: «За месяц мы научились большому, чем они [учителя] дали нам за семь лет»⁴. По этой

причине глава, посвященная Франции, опирается на подход, который кому-то может показаться традиционным: она почти полностью концентрируется на 1968-м, и особенно на двух месяцах этого года, делая упор на события в Париже. Я признаю, что и французский 68-й необходимо рассматривать в более продолжительном временном промежутке и более широком географическом контексте, но, по-моему, лучше это было сделать в отдельных тематических главах. Это, кстати, подтверждает, что я всерьез воспринимаю идеи французских историков, которые предлагают помещать события во Франции в общий международный контекст.

Сравнительный подход, используемый в этой книге, местами может противоречить недавним исследованиям. Многие историки, занимаясь 1968-м, преуменьшают значение национальных особенностей или затушевывают их — то ли из-за того, что находятся под влиянием «транснациональных» подходов, сфокусированных на связях между странами, то ли просто из-за того, что оспаривают клишированные способы национального самовосприятия. Сравнительная перспектива, однако, демонстрирует, что привычные клише порой имеют под собой реальные основания. Так, американские историки в недавних исследованиях попытались оспорить представление, согласно которому возникновение движения «Студенты за демократическое общество» (Students for a Democratic Society) было отмечено «невинным» оптимизмом, который улетучился из-за насилия, сопровождавшего 1968 год. Дело, однако, в том, что, по сравнению с большинством западноевропейских студентов-радикалов, их американские единомышленники начала 1960-х действительно были невинными, а конец того же десятилетия

в США действительно был жестоким временем. Точно так же некоторые немецкие историки сейчас опровергают концепцию, согласно которой рабочие не играли никакой роли в волнениях конца 1960-х². Но сравнение с другими странами указывает, что немецкие рабочие на самом деле были менее радикальными, чем их единомышленники по всему миру. В то время как майские и июньские забастовки 1968 года во Франции были столь масштабными, что правительство не могло сосчитать их участников, в Германии того периода забастовки оставались столь редкими, что Международная организация труда даже не озаботилась их фиксацией.

Что касается географического охвата, то эта книга сосредоточена на демократических государствах индустриального Запада. Опять же я понимаю, что такая интерпретация 68-го может показаться проблематичной, поскольку важные события этого периода часто происходили за пределами Западной Европы и Северной Америки. «Пражская весна» и ее разгром, война во Вьетнаме, китайская «культурная революция», жестокое подавление протестов на фоне Олимпийских игр в Мехико — во всех этих событиях для миллионов людей решались вопросы жизни и смерти. И, разумеется, в плане пролития крови и грандиозности катаклизмов они нередко были заметнее того, что делалось на индустриальном Западе. Как раз по этой причине я не рискую объединять все эти истории в единую картину, признаваясь одновременно и в том, что мне явно не хватило бы познаний, попытайся я сделать это. Моя интерпретация 68-го распространяется только на благополучные страны, в которых объектами радикальных протестов стали демократически избранные правительства. Даже те из европейских и североамериканских

активистов, которые провели время за пределами Запада — и, возможно, они в первую очередь, — признавали, что в их родных странах 68-й имел свои особенности. Луиза Пассерини, посетившая в конце 1960-х годов Кению, Мозамбик, Замбию и Египет, позже признавала: «Пока я разъезжала по “третьему миру”, 1968-й разворачивался в странах “первого мира”»⁶. Конфликты в Азии, Латинской Америке и Восточной Европе попадают в поле моего зрения только в той степени — иногда, кстати, весьма значительной, — в какой происходящее там действительно или предположительно влияло на события в Западной Европе или Северной Америке.

Я посвятил отдельные главы Соединенным Штатам, Франции, Германии и Великобритании. Америка важна отчасти потому, что она была самой могущественной среди западных демократий. Протестующие в других местах нередко наблюдали за ней с большим вниманием — не только из-за того, что относились к ее правительству с ненавистью, но и потому, что пытались подражать американской «контркультуре». Америка иллюстрирует одну из частных версий 68-го — ту, для которой характерны небывалый подъем массовых движений в 1960-е и столь же глубокий их упадок в 1970-е, включавший, помимо прочего, разрыв между студенческим движением и рабочим классом. Безусловно важна Франция, поскольку именно на нее в 1968 году смотрел весь мир. Кроме того, она представляла интересную антитезу Америке благодаря альянсу, который сложился здесь между рабочими и студентами. Важность Германии обусловлена тем, что ее версия 68-го довольно часто — хотя лично я считаю такой подход ошибочным, — рассматривается как порождение нацистского прошлого 1930-х и/или предчувствие террористического

будущего 1970-х. Наконец, Великобритания представляет другую разновидность 68-го — ту, что обрела кульминацию в 1970-е годы и в которой рабочие сыграли выдающуюся роль.

Эта книга главным образом обобщает исследования, предпринятые другими людьми. Несмотря на то что мне пришлось немного позаниматься архивной работой в Великобритании и во Франции, в основном я опирался на вторичные источники и те немногие первичные, которые уже опубликованы. В случае 68-го различие между двумя этими типами источников остается непривычно размытым, потому что многие из специалистов сами были «включенными наблюдателями» описываемых ими событий. Не все авторы, свидетельства которых я использовал, согласятся с моей интерпретацией их трудов. Участники «долгого 68-го» нередко возмущаются, когда кто-то другой рассказывает «их историю». Я понимаю, что изыскания в области современной истории часто кажутся странными для тех, кто сам проживал описываемые историками события. Тем не менее не вижу причины, по которой непосредственные участники 68-го должны претендовать на особое право — право избежать холодного скальпеля исторического анализа. Кроме того, в этой книге предпринимается попытка интегрировать 68-й в широкий контекст политической истории большого временного периода. В ней утверждается, что один из способов понять 68-й предполагает изучение также и тех, кто противостоял протестам или пытался так или иначе ими управлять — в правительствах, профсоюзах и традиционных политических партиях.

Глава 1

Слова и «вещь»: определение 68-го

«Красота — на улице» — плакат 68-го

Консерватор Энох Пауэлл был ключевой фигурой британского 68-го. В апреле того года он обрушился на «цветных» иммигрантов в публичном выступлении, которое назвали «речью о реках крови», и с тех пор его появление в университетах неизменно вызывало возмущение со стороны студентов. Однако позиция Пауэлла была отнюдь не однозначной. Его антиамериканизм был поистине неистовым, а отношение к вьетнамской войне скорее напоминало взгляды его заклятых врагов. Поклонники часто писали письма Пауэллу, но он не всегда соглашался с их идеями. Один из его корреспондентов, например, был уверен, что массовое появление китайских ресторанов в английских деревнях — это прикрытие для проникновения маоизма, но политик не разделял такое мнение¹. А когда Пауэллу написала обеспокоенная мать, обнаружившая у дочери журнал *Honey* со статьей о девушке, которая познакомилась с сексом, наркотиками и левыми идеями в коммуне Wild Blue Yonder, он осторожно предположил, что статья могла быть ироничной². Некоторые послания политик складывал в коробки, маркированные ярлычками «Безумцы», но зато письма, связанные с контркультурой, студенческим радикализмом и властью профсоюзов, помещал в отдельную папку, названную просто — «Вещь».

Многие разделяли ощущение Пауэлла: таким людям казалось, что они способны распознавать определенный тип радикальных идей, но не умеют выразить это понимание в словах. У сторонников 68-го и их противников было любопытное сходство: они определяли себя через тех, кому противостояли (или через тех, кто противостоит им), а не через то, что ими отстаивалось. Стюарту Холлу, скорее всего, нашлось бы место в пауэлловской папке «Вещь». Это был чернокожий теоретик культуры, который

в 1968 году участвовал в студенческом захвате Бирмингемского университета; французские консерваторы считали бы, что такой человек отмечен «мышлением 68-го» (*la pensée 68*). В 1979 году Холл определил тэтчеризм как оппозицию «радикальным движениям и политическим всплескам 1960-х, для которых “1968” является удобным, но не вполне адекватным обозначением»³. В апреле 1965 года, под занавес демонстрации против вьетнамской войны, Пол Поттер, лидер организации «Студенты за демократическое общество», произнес речь. Он призвал собравшихся «назвать эту систему по имени» — определиться, против кого они сражаются. Некоторые предположили, что имеется в виду капитализм, но сам Поттер не использовал это слово. Подобно Пауэллу и Холлу, он, по-видимому, полагал, что собственные ценности лучше определять через их противоположность. Позже он скажет: «Слово, которое мы ищем... должно именовать не только “систему”, но и нас самих»⁴.

Слова — в памфлетах, речах, лозунгах, граффити — в 68-м были очень важны. Французский историк писал: «Революция? Май 68-го был лишь одним из слов, и оно стало первейшим потому, что обществу, по выражению [богослова XVII века] Боссюэ, надоело все время подчиняться»⁵. В 68-м некоторые считали, что уход от формальности в самовыражении уже есть политический акт. Когда Мишель Рокар, родившийся в 1930 году, в 1968-м пытался убедить Пьера Мендес-Франса, родившегося в 1907 году, выступить на митинге, он предлагал перевести речь последнего на «диалект мая 68-го»⁶. Журналисты альтернативной прессы в Великобритании и США широко использовали в своей работе язык улиц: такие словечки, как «лежавый», «менты», «загребли», были для них типичными.

В континентальной Европе использование английских (или американских) выражений становилось признаком радикалов. Француз Режи Дебрэ, относившийся к своему поколению *soixante-huitards* с едким презрением, заявлял, что старый коммунистический журнал *Cahiers du Communisme* издается на французском, но тем, кто хочет читать газету *Libération*, основанную после 1968 года, «нужно знать американский»⁷. Немецкие левые радикалы разговаривали на смеси «берлинского диалекта, американского сленга и жаргона общественных наук»⁸. В то же время политические теории иногда обсуждались и на таком языке, который казался намеренно запутанным. Журналист одной подпольной газеты жаловался, что маоистская Прогрессивная рабочая партия (*Progressive Labour Party*) «живет словно в Средиземье Толкина, где марксистско-ленинские хоббиты и орки пользуются руническим языком, понятным только им самим»⁹.

В 68-м даже самые простые слова становились политически окрашенными. Слово «студент» звучало отовсюду, даже несмотря на то, что в организациях, использовавших его в названии — таких, как «Студенты за демократическое общество» в США или Социалистический союз немецких студентов (*Sozialistischer Deutscher Studentenbund*) в Германии, — было много тех, кто уже давно покинул университетскую скамью. В Великобритании это слово подразумевало передовую современность и резко контрастировало со словом «учащийся» (*undergraduate*). Ричард Кроссман, лейбористский министр труда, бывший профессор Оксфорда и ярый противник молодежных движений, в марте 1968 года писал, что проблема «старых университетов» в том, что в них «все сделались студентами, а учащихся не осталось вовсе»¹⁰.

Слова, которые задавали смысл 68-го — «мультиверситет», «контркультура» — зачастую были придуманы в 1960-х. Некоторым левым активистам казалось, что они впервые дают имена определенным «вещам». Английская феминистка Шейла Роуботам вспоминала о своем американском друге: «Генри придумал термин для обозначения беспокоивших нас проблем: он назвал их “мужским шовинизмом”»¹¹. Слово «гей» уже давно использовалось мужчинами-гомосексуалами, но в начале 1970-х оно приобрело новые политические коннотации. Исследовательница, которая в 1990-е проводила интервью с ветеранами созданного в 1971 году британского Фронта освобождения геев (Gay Liberation Front), отмечала, что эти люди выросли во времена, когда слово «гомофил» (homophile) было наиболее безопасным термином для обозначения своей сексуальной ориентации. Респонденты вздрагивали, когда она употребляла слово «квир» (queer), привычное для активистов ее поколения¹².

В 1961 году Микаэль Шуманн, член левой немецкой студенческой ассоциации, заявил: «Мы часть движения, которое возникло в Англии под именем “New Left”, а во Франции называется “Nouvelle Gauche”»¹³. То же понятие «новые левые» использовалось и в США: в 1966 году вестник организации «Студенты за демократическое общество» получил название *New Left Notes* — «Новые левые тетради». Показательно, что один из студенческих лидеров считал, что «новые» и «старые» американские левые различаются по языку: «Старые левые назвали бы это противоречием, но указанный парадокс был, скорее, интеллектуальным новшеством, а не объективным конфликтом»¹⁴. Социолог Чарльз Райт Миллс, который вдохновлялся студенческим движением в США, изложил свои взгляды в «письме

“новым левым”», на деле отправленном в английский журнал *New Left Review*. Однако повсеместное употребление термина «новые левые» отчасти было связано и с тем, что он охватывал множество самых разных явлений. Отчет ЦРУ резюмировал это следующим образом:

«Те, кого условно называют “новыми левыми”, на самом деле имеют мало общего друг с другом. Их объединяет лишь то, что они многим обязаны таким авторам, как американский социолог Чарльз Райт Миллс, философ-гегельянец Герберт Маркузе и ныне покойный чернокожий психиатр Франц Фанон. <...> Сам по себе термин “новые левые” не несет особого смысла — его можно использовать для обособления современных молодых радикалов от группировок коммунистов-социалистов межвоенного периода. Этим термином обозначают совокупность разрозненных и аморфных местных групп с неопределенным или постоянно меняющимся руководством и эклектичными программами <...> [За ним стоит] смесь анархизма, утопического социализма и глубокой вовлеченности в жизнь общества»¹⁵.

Понятие «68-й» не очень-то часто использовали в самом 1968-м. Те, кто тогда надеялся на революционные изменения, воспринимали современность как прелюдию к чему-то более драматичному. Некоторые французские революционеры летом 1968 года даже перестали платить налоги: пока судебные приставы не начали описывать их мебель, они верили, что буржуазный строй вот-вот падет. Возможно, Франция начала говорить о «68-м» раньше других из-за того, что сразу после напряженной драмы мая 1968 года наступил период затишья. Пьер Граппин,

декан университета в Нантере, в конце того года бежал от студенческих волнений в США. Вернувшись, он обнаружил «мир, в котором май 68-го превратился в миф, направляющий людей»¹⁶. Революционеры повсеместно смотрели в будущее. Где-то в 1970-м или 1971-м группа итальянских активистов, предположительно после принятия наркотиков, устроила спиритический сеанс, в ходе которого они вызвали дух Франца Фанона и поинтересовались, когда же произойдет революция. Обозначенный призраком 1984 год разочаровал активистов — они не хотели ждать так долго¹⁷. Выражения вроде «человек 68-го» или «soixante-huitard» предполагали прошедшее время — нечто, что уже завершилось.

В 68-м некоторые вели себя так, будто необходимость давать определения уже оказывалась актом принуждения. Американское пособие для тех, кто хотел основать коммуну, рекомендовало: «Вероятно, вам лучше никак не называть себя... поскольку тогда на вас будут выходить только проверенные люди»¹⁸. В 1968 году во время суда над франкфуртскими демонстрантами адвокат назвал их самопровозглашенной «внепарламентской оппозицией». Реагируя на эти слова, франко-германский студенческий лидер Даниэль Кон-Бендит, вскочив с места, заявил, что только «студенческий парламент» имеет право решать, кто принадлежит к внепарламентской оппозиции, а кто нет¹⁹.

На деле «люди 68-го» и Кон-Бендит, в частности, все-таки позволяли классифицировать себя. Их заявления широко циркулировали в кругу друзей. Кон-Бендит опубликовал книгу «Мы так сильно любили революцию»²⁰, а американское издание автобиографии Тома Хайдена вышло под названием «Воссоединение». Впрочем, нам не стоит полагаться на воспоминания известных деятелей

68-го, ибо их уверенные и красноречивые свидетельства не всегда надежны. В конце 2016 года Кон-Бендит дал интервью для радио, где упоминал о своей встрече с Сартром, состоявшейся в 1968 году. По словам революционера, философ тогда выглядел напуганным. Разумеется, сам Сартр описывал эту встречу иначе²¹. Кон-Бендит также утверждал, что в 1968 году студенты-«гошисты» изгнали из Нантера лидера коммунистов Роже Гароди, хотя на самом деле это был Пьер Жукен.

Ключевые фигуры 68-го нередко уже тогда осознавали себя субъектами исторического процесса. Они понимали, что впоследствии их поступки и мысли будут изучать историки. Итальянская повстанческая группировка «Передний край» (Prima Linea) самораспустилась в 1983 году отчасти ради того, чтобы дать своим членам возможность «полностью реконструировать историю организации, ее возникновение и развитие, цели и деятельность, не позволив другим запечатлеть пройденный путь»²². Прежде чем уйти в подполье и создать группировку «Синоптики» (Weathermen), участники организации «Студенты за демократическое общество» в феврале 1970 года совершили в Чикаго одну из своих последних акций: они связались с членом Исторического общества штата Висконсин, который вскоре приехал на фургоне, чтобы забрать архивы организации²³. В Париже две группы историков, которые симпатизировали студенческим движениям, собирали документы, относящиеся к протестам мая 1968 года²⁴.

Профессия историка была тесно связана с 68-м, и сама эта связь сейчас стала объектом исследования²⁵. Многие историки — дети послевоенного беби-бума и подъема университетов — в 68-м были на пороге своей академической карьеры. Иногда они считали, как выразился Джефф

Эли, что политические обязательства «сподвигли их стать историками»: «Возникновение социальной истории стало возможным благодаря новому политическому контексту, заданному 1968 годом»²⁶. Француз Марк Эргон решил бросить исследования Средиземноморья в наполеоновскую эпоху, предпочитая не писать историю, а творить ее как революционер и член Объединенной социалистической партии (Parti Socialiste Unifié). Впрочем, другие — Гарет Стидман Джонс и Шейла Роуботам в Великобритании или Али Гёц в Германии — считали политику и исторические исследования тесно взаимосвязанными. В файлах лондонской полиции, посвященных молодым американским радикалам, можно встретить немало имен будущих исследователей-историков: Роберт Бреннер позже стал профессором истории в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, а Линда Гордон начала преподавать ту же науку в Нью-Йоркском университете. Сьюзен Зейгер, которая публиковалась в лондонской подпольной прессе под псевдонимом Сьюзи Творожок (Susie Creamcheese), теперь занимается исследованиями по истории женщин²⁷.

Но есть один интересный момент. Больше всего «людей 68-го» восхищали историки старшего поколения — Эрик Хобсбаум, Эдвард Томпсон и Фернан Бродель, родившиеся в 1917-м, 1924-м и 1902 годах соответственно. С последним, впрочем, все было не так просто, ведь Бродель был консерватором и даже написал восторженное письмо Шарлю де Голлю²⁸, но в 1968 году его возмутило наступление на академические свободы²⁹. Хобсбаум и Томпсон больше сопереживали молодежному протесту, но все равно не чувствовали своего родства с ним. Политически и интеллектуально они принадлежали к традиции, придающей большое значение структуре, строгости

и интеллектуальной отстраненности. Хобсбаума удивило то, что радикалы в Беркли и Париже придавали такое большое значение его работе «Простые бунтовщики» (*Primitive Rebels*), написанной в 1959 году. В этой книге он пытался объяснить «дополитические» формы неповиновения, но не предполагал, что кто-то решит использовать их в современном мире³⁰. Томпсон полушутя писал, что в будущем студентам-радикалам пошло бы на пользу перевоспитание «в какой-нибудь дисциплинированной организации вроде Корпуса подготовки офицеров запаса или Коммунистической партии Великобритании»³¹.

Возможно, пропасть между «людьми 68-го» и историками старшего поколения, которыми те восхищались, отчасти связана с тем, что первые придавали гигантское значение субъективному опыту, в особенности своему собственному. То же обстоятельство способно объяснить разрыв между «людьми 68-го» и историками младшего поколения, которые изучают эти события сейчас. Трое детей участников 68-го — Жюли Пажис и Виржини Линхарт из Франции, а также София Серенелли из Италии — отмечали, что современники их родителей зачастую соглашались на интервью только на собственных условиях. Презируя понятие имущества, они тем не менее настаивали на «праве собственности» на свои истории. Так, один из респондентов Пажис написал в опросном листе: «Вы думаете, что нас можно распихать по папкам и изучить при помощи статистики... Но лично я сделал единственно правильный выбор, позволяющий оставаться самим собой: надо всегда быть свободным и не зависящим ни от кого»³².

Устные истории, особенно значимые для изучения 68-го, усиливают ощущение того, что участники тех событий действительно имеют право на собственный нарратив.

Они часто принадлежат к одному сообществу и являются авторами письменных мемуаров; например, ветеран организации «Студенты за демократическое общество» сухо отвечал историку, который опрашивал его в 1997 году, что он остался «одним из немногих активистов, кто не написал мемуары»³³. Результатом стал обширный массив подтверждающих друг друга воспоминаний, подготовленный одними и теми же людьми. «Люди 68-го» питают особую слабость к автобиографиям. Некоторые из них политически выросли в кругах, где индивидуальным историям приписывалось особое значение: именно там формировались самокритичные автобиографии французских коммунистов (*autocritique*) и молодых католиков, состоявших в церковных молодежных движениях (*révision de vie*). По замечанию Жюли Пажис, последующая популярность психоанализа в рядах бывших активистов лишь подтверждает то, что они всегда с трепетом относились к фиксации событий собственной жизни³⁴.

Историки, занимающиеся 1968-м, на редкость деликатны в суждениях. Возможно, дело в необыкновенной напористости и красноречивости изучаемой ими группы — или же они считают, что в данном случае поучающая олимпийская невозмутимость просто неуместна. Как бы то ни было, исследователи устной истории часто приводят отрывки из интервью, не вписывая их в более широкий контекст, что можно было бы сделать при помощи письменных источников или устных свидетельств других людей. Иногда даже упоминание самых банальных фактов воспринимается как насилие над субъективностью. Возьмем, например, работу Николя Даума, в которой он изучает «безымянных *soixante-huitards*» — своих товарищей по парижской дискуссионной группе 1968–1972 годов.

Каждое подготовленное им интервью выделено в отдельную главу, которой, однако, не предшествуют привычная в таких случаях биографическая справка или описание героя. Такие детали, как дата рождения, профессия и семейное положение, если и упоминаются, то только в самих интервью. Лишь когда один из опрошенных использовал в беседе слова «наша семья», Даум отметил в примечании, что тот приходится ему дальним родственником³⁵.

Порой сами историки наглядно показывают, почему не стоит полностью полагаться на личные свидетельства о 68-м. Как-то раз некий профсоюзный активист, интервьюируемый более молодыми коллегами, предоставил им красочный отчет о том, что он пережил во Франции в мае 1968 года. Позже, однако, он связался со своими интервьюерами и смущенно объяснил им, что обнаружил свой старый ежедневник, согласно записям которого в мае 1968-го он находился в Италии. Респондент предположил, что в то время мог отменить поездку, но особой уверенности у него уже не было³⁶.

К моменту публикации в 1991 году своих мемуаров Анни Крижель уже начала осуждать 1968-й, отзываясь о студенческих волнениях с пренебрежением и насмешкой. При этом она отмечала, что требования активистов в Реймском университете, где она преподавала в 1968 году, были умереннее и реалистичнее, чем у их единомышленников в Нантере, где она получила должность в 1969-м. Перед Нантером она побывала в Беркли, и это вообще был «дурной сон»: университет напугал ее не только «позитивной дискриминацией» и «женскими исследованиями» (women's studies), но также сворами собак, брошенных студентами в конце семестра и, по ее утверждениям, пожиривших друг друга³⁷. Сообщения Крижель решительно

отличаются от воспоминаний коллег, включая ее родного брата³⁸. В качестве примера можно сослаться на Поля Вена и Мориса Агюлона, современников Крижелъ, преподававших в Университете Экс-ан-Прованса. По словам первого, в 68-м студенты протестовали против буржуазного образа жизни, а Шарль де Голль, которого считали «старомодным и смешным»³⁹, их не сильно интересовал. Второй, напротив, утверждал, что у движения были конкретные и довольно умеренные требования: молодежь хотела добиться университетской реформы и отправить в отставку де Голля⁴⁰.

По-видимому, едва ли стоит безоговорочно ориентироваться на свидетельства только непосредственных участников революционных потрясений. Воинственный дух того времени сказался даже на тех, чье отношение к майским событиям было неоднозначным. История режиссера Луи Маль демонстрирует, насколько разными могли быть пути «людей 68-го». Он тоже был напрямую причастен к 1968-му, поскольку входил в жюри Каннского фестиваля, ушедшего в отставку в знак солидарности с протестующими студентами. После возвращения в Париж Маль оказался в центре уличных боев полиции с протестующими. Более того, еще в 1965 году он снял фильм «Вива, Мария!», который воодушевлял немецких левых: посмотревший эту картину студенческий лидер Руди Дучке утверждал, что революционеры делятся на тех, кто похож на героиню Бриджит Бардо, и тех, кто напоминает героиню Жанны Моро. В 1974 году Маль снял фильм «Лакомб Люсьен», который отражал умонастроение «людей 68-го» в своей интерпретации немецкой оккупации Франции, подрывая стереотипный образ Сопротивления. В 1968 году Маль уже был известным режиссером, хотя ему только исполнилось тридцать шесть. У него были сложные отношения с политикой, потому что

его часто восхищали персонажи из лагеря крайне правых — например, Дриё ла Рошель. Наконец, в 1990 году он снял «Милу в мае»: фильм, который высмеивал события 1968 года, изображая их с точки зрения эксцентричной семьи провинциальных буржуа. В свою очередь, Мишель Пикколи, который играл в нем разочарованного мужчину средних лет, рассказывал, что в 1968 году он намеревался оставить актерскую карьеру, чтобы полностью посвятить себя революционной деятельности⁴¹.

Наиболее заметно события 68-го повлияли на рабочий класс — по крайней мере, в Европе. В конце 1960-х рабочие во Франции, Италии и Великобритании устраивали забастовки и часто объединялись с другими активистами. Студенты-радикалы с энтузиазмом вовлекали рабочих в свои акции, но даже во время сравнительно коротких стачечных эпизодов рабочие редко воспринимали себя как политических активистов и «людей 68-го». Кроме того, они гораздо реже писали мемуары, чем активисты из среднего класса. Можно утверждать, что своей писательской активностью представители среднего класса затмили опыт рабочих. Характерный пример — жизнь французского интеллектуала-маоиста Робера Линара. Осенью 1968 года он ушел из Высшей нормальной школы и устроился работать на завод Citroën. Линар хотел помочь рабочим организовать собственную революцию. Описывая свой опыт, он пытался избавиться от присущего автобиографиям самооправдания: «Буржуазия воображает, что она обладает монополией на личные истории... Но у нее всего-навсего есть монополия на публичное высказывание, и не более того»⁴². Тем не менее, хотел того Линар или нет, наибольшее внимание привлекла именно его личная жизнь, психические проблемы, развод и попытка суицида, а не сами

интересовавшие его рабочие. Об этом рассказывали его старые друзья, дочь и сестра Даниэль, которая сама занималась исследованиями событий 1968 года⁴³.

О студентах 68-го рассказывают словами, зачастую их собственными, но рабочих помнят по фотографиям. Забастовки и захваты фабрик часто оказывались в центре внимания публики благодаря тому, что съемочные группы могли их запечатлеть. При этом зрители мало что могли узнать об отдельных людях на экране. В 1996 году Эрве Ле Ру, родившийся в 1958 году, снял фильм «Реприза», снабдив его подзаголовком — «Путешествие к сердцу рабочего класса». Он использовал материалы незаконченного фильма 1968 года, который рассказывал о возвращении сотрудников фабрики по производству батареек Wonder в Сент-Уэне к работе после забастовки. В одном из эпизодов фильма женщина плачет и говорит: «Я не вернусь, ноги моей больше не будет в этой тюрьме, это слишком отвратительно». Эти кадры попали во многие документальные фильмы, и Ле Ру решил найти эту женщину. Ему это не удалось. Он выяснил, что она вышла замуж, родила дочь и ушла с фабрики, но установить ее имя не получилось⁴⁴.

Неожиданным образом 68-й затронул даже обеспеченных людей — например, Уильяма Вальдегрейва. Он родился в 1946 году и был одним из студенческих лидеров 68-го — хотя и в рафинированном мире Оксфордского союза. Он гордился сходством с Бобом Диланом и постоянно смешивал личное и политическое, что было вполне в духе времени: например, он вспоминал, что узнал о смерти Роберта Кеннеди, находясь в постели с девушкой. В 1969–1970 годах он учился в Гарварде по обмену, и однажды полицейские жестоко избили его только за то, что он оказался слишком близко к демонстрации

«Синоптиков»⁴⁵. Вальдегрейв написал письмо в *The Times*, осуждая поведение полицейских; по его словам, такое происшествие шокировало бы жителей континентальной Великобритании, чего он не решился бы сказать о северо-ирландцах, имевших дело со спецподразделением ольстерской полиции B-Specials⁴⁶.

Записи Вальдегрейва конца 1960-х создают впечатление, что он был студентом-радикалом. На самом деле он был амбициозным консервативным политиком. В 1968 году он, занимая пост президента Оксфордского союза, пригласил Квентина Хогга — тори, который терпеть не мог левое движение, — принять участие в дебатах под заголовком «Этому дому не стыдно за Британскую империю»⁴⁷. В 1970-х Вальдегрейв был членом секретного комитета, который обсуждал пути возможного восстановления «власти правительства». Однажды он спросил у товарищей, насколько легко организовать в Великобритании демонстрации в поддержку существующего режима вроде тех, что устраивали голлисты в Париже в конце мая 1968 года⁴⁸. Кроме Вальдегрейва были и другие консерваторы, в некотором смысле сочувствующие 68-му. Джон Скарлетт, ставший впоследствии дипломатом и руководителем британского Объединенного разведывательного комитета, в 1968 году учился в Оксфорде. Как «консерватор, не согласный с американской позицией по поводу войны во Вьетнаме и вместе с тем не испытывающий особого сочувствия к Вьетконгу», он писал в *The Times*, критикуя «неоправданно жестокие» действия полиции в отношении антивоенных демонстраций, в которых сам участвовал⁴⁹.

Кто-то может возразить, что, рассматривая британских консерваторов в качестве «людей 68-го», мы расширяем это понятие до полной потери смысла. Однако

важно помнить, что студенты Лондонской школы экономики, которая была эпицентром британского 1968-го, в том же году выбрали консерватора Питера Уотерстона президентом своего студенческого совета, причем его отношения с радикально настроенными студентами складывались гораздо лучше, чем у предшественника-лейбориста⁵⁰. В целом же в протестах 68-го иногда участвовали и правые. Немецкие студенты, которые поддерживали христианских демократов, устроили свой собственный 68-й, не проявляя какой-либо враждебности по отношению к протестам левых⁵¹. В Италии некоторые праворадикалы совместно со студентами противостояли властям⁵². Правые во Франции (все еще не изжившие горечь от утраты Алжира) заявляли, что все враги де Голля — их друзья. При этом юные голлисты из числа тех, кто всерьез относился к риторике социальных реформ, также сочувствовали протестам 68-го. В начале мая 1968 года член голлистского Прогрессивного фронта (Front du Progrès) повесил на стену фотографию Че Гевары с подписью: «Де Голль такой же бунтарь, как и я»⁵³. Некоторые консервативные политики — к примеру, тот же Пауэлл в Великобритании или Джордж Уоллес в США, — враждебно относятся к самим протестным акциям, разделяли антисистемный настрой их организаторов.

У 68-го очень много аспектов. Его изучали под столь многочисленными углами зрения, что, работая только с одной гранью, можно с легкостью упустить остальные. Возьмем, например, недавний бум исследований, посвященных религиозным предпосылкам политического радикализма конца 1960-х. Благодаря ему мы узнали, что Том Корнелл, возглавлявший протесты против вьетнамской войны во второй половине 1960-х, так усердно добивался

включения антивоенной декларации в итоговые документы Второго Ватиканского собора, что один из епископов назвал его «невидимым членом собора»⁵⁴; что французский монах-доминиканец Поль Бланкар помогал Фиделю Кастро составлять речь для заключительной церемонии Культурного конгресса в Гаване в январе 1968 года⁵⁵; что протестантская церковь во французском Монтрё и вовсе превратилась в политический центр. Однако стоит помнить, что этот процесс был неоднородным⁵⁶. Те люди, которые по-прежнему считали себя религиозными, отличались от тех, кто порвал с религиозным воспитанием. Переосмыслившие свою религию — например, католические священники, вступавшие в браки, — отличались от политических радикалов, придерживавшихся прежних религиозных норм. В этом контексте уместно вспомнить монахиню из романа Дэвида Лоджа «Как далеко вы готовы зайти?» (*How Far Can You Go?*, 1980), которая, участвуя в антивоенных демонстрациях в Калифорнии, полагает, что кличка «мамочка», которую демонстранты присвоили полицейским, применима и к настоятельнице ее монастыря.

Тем не менее носители религиозного сознания составляли среди «людей 68-го» явное меньшинство. В основном активисты считали себя неверующими — так, заметную роль во Франции и Америке играли секуляризованные евреи, — а некоторые и вовсе выступали против религии. После того как волна протестов пошла на убыль, группа прогрессивных католиков попыталась учредить коммуны нового типа в деревне Кадне, но другие «люди 68-го», жившие по соседству, встретили их с раздражением⁵⁷. В любом случае, среди левых было немного религиозных людей, тем более что, реагируя на политический радикализм 1960-х, верующие начали симпатизировать